

DOI: 10.15393/j9.art.2012.339

Владимир Дмитриевич Денисов

*доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка,*

*Российский государственный гидрометеорологический университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

vladennisoff@mail.ru

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ В ПОСЛЕДНИХ ЗАПИСЯХ Н. В. ГОГОЛЯ

Аннотация: В статье раскрывается смысл нескольких предсмертных записок Гоголя в соотношении с его трудами и Евангелием. Видимо, он уже понимал, что уходит из жизни, и готовился к этому как подобает христианину, в чем-то соотнося происходящее с Евангельскими событиями. Художественные способности не оставили его, рука была точна. Так, на одном из листков несколькими линиями обозначен профиль человека в коляске или в захлопывающейся на последних страницах книге. Четкий каллиграфический почерк записок, выработанный писателем к середине 1840-х гг., отличается от неустойчивых крупных строк черновых редакций «Вечеров на хуторе близ Диканьки» на рубеже 1820—1830-х гг. и мелкой скорописи исторических набросков, статей и повестей в середине 1830-х гг. Это почерк не чиновника, писавшего казенные бумаги, а человека, знающего цену Слову.

В целом же записки пронизаны мотивами раскаяния и смирения. По мысли их автора, сатана уже пришел в мир и настают «последние времена», когда человек, оставленный Богом, почитает одиночество высшим благом для себя, а свои действия — единственно правильными и чванится невежеством и грехами как добродетелью. Оскудение его «храма души» делает невозможными любовь и гармонию, разобщает людей, разрушает мир. Этому Гоголь хотел противопоставить единение людей, согласно Евангельским истинам, и самую большую запись посвятил своим друзьям, под которыми можно понимать каждого истинного христианина.

Ключевые слова: Евангельские мотивы, предсмертные записки Гоголя, Апокалипсис

В середине февраля 1852 г. (ст. ст.) Гоголь, несмотря на врачебную помощь, угасал в московском доме графа А. П. Толстого на Никитском бульваре. По-видимому, писатель понимал, что с ним происходит, и готовился уйти из жизни достойно христианина, в чем-то соотнося свою смерть с евангельскими событиями. На одном из сохранившихся листков написано: «Как поступить, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок? И страшная История Всех событий Евангельских...» — и несколькими линиями обозначен профиль человека в коляске с поднятым верхом или в захлопывающейся на последних страницах книге. Видно, художественные способности не оставили писателя до последних дней, точна была и рука. Четкий каллиграфический почерк, выработанный к середине 1840-х гг., отличается от неустойчивых крупных строк черновых редак-

ций «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (рубеж 20—30-х гг.) и мелкой скорописи исторических набросков, статей и повестей в середине 1830-х гг. Это почерк явно не чиновника, испившего много казенных бумаг, а человека, разборчиво и красиво пишущего для собственного и для чужого разума, — того, кто знает цену Слову.

По предположению исследователей, к таким записям принадлежат и две следующих на отдельном листе фразы:

Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк, прелезающий иначе, есть тать и разбойник.

Начало записи указывает на смысл главного труда Гоголя — поэмы «Мертвые души», чье название содержит глубокий духовный смысл¹. Для автора души его героев не совсем умерли, ибо каждому человеку дан образ Божий к вечной жизни и надежде на возрождение. Эта евангельская традиция понимания «мертвой» души, не совсем умершей духовно, созвучна христианскому нравственному закону, изложенному святым апостолом Павлом:

Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут (1 Кор. 15:22).

С этим была связана идея «Мертвых душ» — духовного воскресения павшего человека, обращения к Богу. Ее должен был воплотить главный герой — Павел Иванович Чичиков, чье имя и отчество сочетают имена апостолов. Апостол Павел до своего обращения был Савлом — одним из самых жестоких гонителей христиан, но затем стал энергично распространять Христианство по всему миру; имя Павел означает ‘малый’, Иоанн (др. евр.) — ‘любимый Богом’, кроме того, Иван — самый распространенный тогда этноним России — символизировал «среднего», обычного, заурядного человека. Современники вспоминали, что, по замыслу автора, в 3-м томе Чичиков должен был переродиться к жизни духовной, как и другие герои, стремящиеся испытать обновление. Таким образом Гоголь хотел показать, что духовное возрождение — одна из высших способностей, дарованных человеку, — доступно каждому, но необходимы духовный труд, испытания и страдания души на пути к Господу.

Вторая часть записи основана на Евангелии от Иоанна (начало 10-й главы):

Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овечий, но перелезает в ином месте, тот вор и разбойник; А входящий дверью есть пастырь овец. Ему придверник отворяет, и овцы слушаются голоса его, и он зовет своих овец по имени и выводит их. И когда выведет своих овец, идет перед ними; а овцы за ним идут, потому что знают голос его. За чужим же не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса (10:1—6).

То есть добрый пастырь вдохновляет людей, дает возможность почувствовать себя нужными и ценными. Он прилагает усилия, чтобы воспитать настоящего христианина, утвердить в нем достоинство и стремится к тому, чтобы люди стали такими, какими хочет видеть их Бог. Пастырь всегда имеет влияние на своих подопечных, внушает им чувство благоговения, внутренне ободряет. Это мы видим в Иисусе. Он — добрый и мудрый Пастух, возвращающий Свою паству, естественно и благотворно воздействуя на нее, меняет изнутри и завоевывает Своей любовью. А кто идет иным путем, так сказать, «перелазит в другом месте», «тот вор и разбойник».

Если влиять на людей своими праведными поступками, через учение, вдохновение и ободрение, они откроются. «Придверник» — прообраз Духа Святого, Который «открывает путь к сердцам». Поэтому самая главная заповедь в Божьем Царстве — это любовь. Именно любовь позволяет Духу Святому открывать двери сердец. Как бы ни был «закрыт» человек, тогда его сердце откроется. Такой пастырь всегда помогает людям решить любую проблему — духа и / или плоти, поэтому они следуют за ним и знают только его голос:

За чужим же не идут, но бегут от него... (Ин. 10:5).

При этом пастырь всегда оставляет человеку свободу выбора, не ставит условий, не удерживает ни под какими предлогами: тогда человек сам не захочет уйти. Но, унижая других, пастырь теряет духовную власть и благословение Божье на труд. Священное Писание учит нас не возвышаться и не превозноситься над другими людьми, а «быть малыми» — тогда Сам Бог возвысит нас. Поэтому пастырь должен принижать себя, чтобы другие утвердились, должен стать ниже тех, которым служит, чтобы они могли опереться на него, как на ступень «лестницы», восходящей на Небо:

...Так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих (Мф. 20:28).

Перед смертью Гоголь в забытии произнес: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!..» Очевиден символический смысл выражения: подразумевалась «лестница Иакова», сына Авраама, одного из библейских патриархов. Заночевав в пути, тот увидел сон о лестнице, что «стоит на земле, а верх ее касается неба... Ангелы Божии восходят и нисходят по ней», и стоящий на ней Бог подтверждает обетования, данные предкам Иакова, отдавая ему и его потомству землю, на которой он сейчас спит (отсюда — «Земля обетованная»); проснувшись, Иаков возлил елей на камень, что лежал у него под головой, и назвал это место Вефиль — Дом Божий (Быт. 28:10—19). В богословии «лестница Иакова» символизирует неразрывную связь неба и земли, а также воплощения Сына Божия, соединившего небо и землю (Ин. 1:51), и Божией Матери. Поэтому в богородичные праздники

читают о сне Иакова, в литургии Деву Марию именуют «Лествица небесная, ею же сниде Бог», «Мост, возводяй сущих от земли на небо» (Акафист Богородице), а на ее иконах, наряду с другими библейскими символами, изображена лестница. Таким образом, «дверь, указанная Иисусом», и «лествица» есть живая связь христианина с Богом, а всякий, кто нарушает ее, «есть тать и разбойник».

Другая гоголевская запись «Аще не будете малы, яко дети, не внидете в Царствие Небесное» — это сокращенная цитата из Евангелия от Матфея:

Аще не обратитесь, и будете малы, яко дети, не внидете в Царствие Небесное (Мф. 18:3).

Пояснения к ней находим в сборнике духовных произведений православных авторов IV—XV вв. под названием «Добротолубие священных трезвомудрцев, собранное из святых и богоносных отцев наших, в котором, через деятельную и созерцательную нравственную философию, ум очищается, просвещается и совершенствуется» (эту греческую книгу перевел на русский язык в 1793 г. П. Величковский, она входила в круг чтения Гоголя):

Какие же дела свойственны дитяти? Дитя, если его побьют, плачет, и с радующимися с ним радуется; если побранят его, не гневается, и если похвалят, не возносится; если почтут дружку его паче его, не ревнует; если возьмут что из принадлежащего ему, не мятется; если оставят ему мало в наследство, не осведомляется, не входит в тяжбу ни с кем, не любопытствует из-за своего ему, не ненавидит никакого человека; если беден, не печалится, если богат, не высокоумствует; если видит женщину, не вожделеваает ее; сласть похотная или многозаботливость не господствуют над ним; никого он не осуждает, ни над кем не властительствует; никому не завидует; не говорит с самохвальством о том, чего не знает; не смеется над ближним из-за внешнего вида его; ни с кем не имеет вражды; не притворяется; не ищет почести мира сего; не ищет собрания богатства; не сребролюбуется; не бывает дерзок; не любопытствует; не учительствует со страстию, ни о ком не беспокоится; если разденут его, не печалится; не держит своей воли; не боится голода, ни злодеев; не боится зверя, ни брани; когда бывают гонения, не мятется... Итак, дело (истинных) младенцев о Христе в чем состоит? Вот в чем, по слову Апостола Петра: *отложите убо всяку злобу, и всяку лесть и лицемерие и зависть, и вся клеветы, яко новорождени младенцы* (1 Петр. 2:1). <...> Уразумеем же точно слово сие и будем всячески стараться со страхом и трепетом исполнять его всякий час, как только случай к тому будет. Когда враг уязвит нас стрелою неприязни на ближнего, или за то, что оскорбит кто нас, или что обесчестит, или что оклеветает, или что заспорит с нами ближний, чтоб сделать ему уступку, или огорчение нечистое начнет щемить нас, приводя в движение злое воспоминание о том, что сделал нам ближний, чтоб омрачить душу нашу гневом и ненавистью, когда что-нибудь такое приблизится к душе нашей, поспешим тогда вспомнить слово Господа нашего, которое Он изрек с клятвою, говоря: *аминь, аминь глаголю вам: аще не обратитесь, и будете яко дети, не внидете в царство небесное*. Кто не устрашится, слыша слово сие? Или кто из мудрых, желающих спасти душу свою, не выбросит из сердца своего всякое неудовольствие, какое имеет на ближнего? Или кто из боящихся попасть в геенну не исторгнет из сердца своего всякую ненависть, чтоб не быть извержену вне царствия? <...> Тяжко слово сие для держащих волю свою, любящих мир и не познавших (не приявших) дара Святого

Духа, потому что на кого низойдет Он, тому подает забвение всякого зла, и научает его Своему, — вместо гнева — кротости, вместо вражды — миру, вместо любопрения — смиренномудрию, вместо ненависти — любви, вместо малодушия — долготерпению. Таковы сподобившиеся возрождения (Т. 1. Слово 25. § 10—12).

Мотивы раскаяния и смирения определяют и следующую запись:

Помилуй меня грешного, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственной силою неисповедимого Креста!

Начало ее является переложением «Молитвы мытаря» — сборщика податей, которого можно было за глаза уже считать грешником. А Христос привел его слова и поведение в церкви как образец истинной молитвы, в отличие от молитвы чванливого фарисея:

Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится (Лк. 18:13—14).

О силе Креста идет речь в стихе из первой части Великого Повечерия, который произносится с поклоном:

Непобедимая, и непостижимая, и Божественная сила Честного и Животворящего Креста, не остави нас грешных.

Эта сила помогает искоренить и дьявольское в человеке.

Вместе с тем в Откровении Св. Иоанна Богослова говорится о связывании сатаны («дракона, змия древнего») «на тысячу лет» царства Иисуса и святых, «которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою» (Откр. 20:1—7). Однако, по мысли писателя, сатана уже пришел в мир, настают «последние времена», когда «люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, нелюбящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы...» (2 Тим. 3:2). Так в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1833) выясняется, что восторженно, с любовью обрисованные повествователем «два почтенных мужа, честь и украшение Миргорода» — на самом деле «существователи», которые, говоря словами юного Гоголя, «задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека»². Их дружба и благочестие показные, они каждое воскресение в церкви, но в сердце лицемерны и немилосердны, а главное — довольны **собой**, своим положением, домом и собственностью. Так, Иван Иванович «человеколюбиво» расспрашивает нищенка, не давая ни копейки.

Человек Нового времени предстает здесь не просто сиротой (как Хома Брут, оставленный Богом, родителями и товарищами) —

теперь он почитает одиночество высшим благом для себя, а свои действия — единственно правильными и чванится невежеством и грехами как добродетелью. Проявляется это большей частью в мелочах. Съев очередную дыню, Иван Иванович пишет «над бумажкою с семенами: “Сия дыня съедена такого-то числа”» (II, 224) и несколько раз солидно отказывается от чашки чая, прежде чем взять. Зимой и летом он носит меховой кафтан (бекешу): роскошь должна придать ему особый вес в глазах окружающих. В то же время главные герои, когда их не видят, обнажаются частично или совсем, как бы не доверяя одежде. Но умаление своего **достоинства** они почитают преступлением и мстят за него, даже если это грозит уничтожить их самих и все нажитое. Такой «смертельной для... чина и звания обидой» Иван Иванович считает «гнусное» уподобление себя «гусаку» (но пропускает мимо ушей более обидный из-за сопоставления мужчины с курицей тоже «птичий» глагол «раскудахтался»), ибо он гусаком «никогда отнюдь не именовался и впредь именоваться не намерен», а доказательством собственного «дворянского происхождения» считает церковную запись о рождении и крещении (II, 249).

Оставленные Богом герои уже не различают добра и зла, враждуют, лгут, грешат бесстыдно и постоянно, ибо полагают, как позднее герои Достоевского, что уже «все позволено». Недаром среди миргородцев нет священника даже в церкви — она «пуста» в праздничный день (II, 275). Очевидно, это последствия апостасии.

Согласно христианскому пониманию истории, процесс апостасии (нового отступничества от Бога, Который есть **любовь**) связан... с подчинением человека собственным **страстям и желаниям** (злоупотреблением внешней свободой)... Этот процесс неизбежен и должен завершиться... приходом антихриста и победой Христа над ним в Своем Пришествии [2, 33].

Ослабление и деградация духовного начала, связующего и удерживающего «земное» начало мира, по мысли Гоголя, влекут неестественную активность телесного, животного и вещественного, которые обретают некую самостоятельность, как бы выходя из подчинения человеку. Отсюда «самовольство» животных и вещей, отчасти неразличение живого и неживого, а также глупость, скудоумие героев, нарушение ими логики, безудержные болтовня, ложь и бахвальство. Теми же пороками будут страдать герои «Ревизора» (1836) и 1-го тома поэмы «Мертвые души» (1841).

В сборнике «Арабески» (1835) Гоголь приводит знамения, предвещающие приход антихриста: падение римского монаршества, проповедь Евангелия во всем мире, речь животных. О том же говорится в петербургских повестях, где раздробленность столичного мира напоминает о первородном хаосе, указывая на приближение конца света. Потому и возникают такие воплощения антихриста,

как ростовщик и его портрет, юная блудница, похожая на Пресвятую Деву, и собаки, говорящие, грамотно пишущие задушевные письма. Подобен апостольским посланиям о «последних временах» монолог художника монаха (здесь отчетлива переключка с двумя посланиями апостола Павла [3, 66]).

В изображенном мире Петербурга нормы христианской морали постоянно нарушаются, ибо нарушено естественное развитие, и герои, за исключением художника монаха, не молятся и не раскаиваются. Они немилосердны (сослуживцы Поприщина и Башмачкина, Одно Значительное Лицо), кончают жизнь в безумии (Чертков, Поприщин), обожествляют вещь (Башмачкин) и прямо нарушают Заповеди, безудержно обогащаясь (Чертков, Петромихали), прелюбодействуя (Пирогов, Ковалев) или убивая себя (Пискарев). В повести «Портрет» обращение художника к священнику влечет смерть его жены и маленького сына. Зимой у дома ростовщика находят мертвых старух, которые замерзли, не дождавшись милосердия. Затем «демон в портрете» способен являться днем и ночью не только художнику монаху или Черткову, но и множеству людей в картинной лавке, на аукционе, и способен подменить *икону*.

В «Портрете» властвует мотив гибельного искушения человека, особенно художника, современным миром. Религиозный живописец запечатлел ужасного ростовщика с мыслью использовать это для «священного изображения» в храме, а когда осознал содеянное, то удалился в монастырь, где со смирением стал искупать свой грех «подвигами» и созданием высоких, истинно христианских произведений. Ответшавшая монастырская церковь со «множеством деревянных по черневших пристроек», для которой художник монах написал «картину, изображавшую Божию Матерь, благословляющую народ», противопоставлена петербургскому «ветхому дому» ростовщика Петромихали, дому «со множеством пристроек» на болоте» (III, 431, 441—442) — своего рода «антихраму», где драгоценное неразлично с негодным (как будет потом в «плюшкинской» куче), где обожествляют деньги, наживу. Именно здесь «нерв» гоголевского Петербурга, а «всемогущий Невский» со знаменитой «выставкой вещей», по сути подменяющих людей, лишь его эманация. Здесь «сам демон зажигает лампы» ночью «для того только, чтобы показать все не в настоящем виде» (III, 46).

Меркантильная суета проспекта не дает прохожим заметить строящуюся церковь. В погоне за незнакомой красавицей офицер Пирогов проскакивает «темными Казанскими воротами» (III, 36) мимо храма символа победы России в Отечественной войне. Зато пропавший нос майора Ковалева будет молиться «с выражением величайшей набожности» (III, 55) в Казанском соборе³. Возле этого

главного храма столицы Православия просят милостыню старухи нищенки с провалившимися носами, а немногочисленные «оглашенные» стоят «при входе» в почти пустой собор⁴. Именно там Ковалев спорит со своим носом, а затем, увидев дам, привычно охорашивается, желая привлечь внимание и, если повезет, завести интрижку. Испытание героя пошляка не в силах изменить его натуру: для спасения он обратится не к Богу (что за него делает Нос, пусть лицемерно, пародийно), а к официальной власти — церковной, полицейской, «газетной», к мирским связям и докторам, ибо верит лишь в силу порядка вещей. Подобное оскудение «храма души» делает невозможным любовь, гармонию, разобщает людей, разрушает христианский мир.

Всему этому писатель хотел противопоставить духовное единение людей, живущих по Евангельским истинам. Поэтому «ДРУЗЬЯМ МОИМ» посвящена самая большая запись:

Благодарю вас много, друзья мои. Вами украсилась много жизнь моя. Считаю долгом сказать вам теперь напутственное слово: не смущайтесь ни какими событиями, какие ни случаются вокруг вас. Делайте каждый свое дело, молясь в тишине. Общество тогда только поправится, когда всякий частный человек займется собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих. Все придет тогда в порядок, сами собой установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы, законные всему. И человечество двинется вперед.

По видимому, начало фрагмента представляет собой реминисценцию Евангелия от Иоанна:

Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас.

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедаю вам.

Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего.

Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал, дабы, чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам.

Сие заповедаю вам, да любите друг друга.

Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел.

Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир.

Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше.

Но всё то сделают вам за имя Мое, потому что не знают Пославшего Меня (Ин. 15:11—21).

Данное соотнесение показывает, что Гоголь обращал свои слова не только и не столько к лицам конкретным, сколько к читателям, понимающим смысл его Слова (произведений), как говорил Хри-

стос Своим ученикам, предчувствуя конец земного пути. И это придает особую силу поучению как последнему слову.

Кроме того, Гоголь здесь исповедует теорию «малых дел» — того Добра, которое каждый гражданин на своем месте мог бы принести окружающим во имя всеобщего благоустройства, — и тем самым возвращается к полемике с В. Г. Белинским, гневно и безапелляционно отвергнувшим книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). В так и не отосланном ему письме (создававшемся в конце июля — начале августа 1847 г.) писатель утверждал:

...благосостояние общества не приведет в лучшее состояние ни беспорядки, ни [пылкие головы]. Брожение внутри не исправить никаким конституциям. <...Общество>во образуется само собою, общес<тво> слагается из единиц. <Надобно, чтобы каждая едини>ца исполнила долж<ность> свою.> <...>

Нужно вспомнить человеку, <что> он вовсе не материальная скотина, <но вы>сокий гражданин высокого небесно<го гра>жданства. Покуда <он> хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью <неб>есного гражданина, до тех пор не <пр>идет в порядок и зе<мное> гражданство.

Вы говорите, что Россия д<олго и напрасно моли>лась. Нет, Россия м<оли>лась не напрасно. К>огда она молилась, то она спаса<лась> <...> Нет, оставим п<о>добные сом>нительные положения <и посмотрим на> себя [честно]⁵.

Наконец, последняя фраза: «И человечество двинется вперед» не так уж оптимистична, ибо содержит и великий вопрос: куда идет человечество?

Примечания

- ¹ Здесь и далее мы основываемся на комментариях в изд.: Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. / Сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М., 1994, а также на книге: [1] и на статьях этого автора о позднем творчестве Гоголя и его смерти.
- ² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: Т. I—XIV. М.; Л., 1937–1952. Т. X. С. 98. Далее цитируем по этому изданию, указывая в круглых скобках через запятую том — римской цифрой, страницу — арабской. В том же письме Г. И. Высоцкому от 26 июня 1827 г. Гоголь высказал опасение, что и его «неумолимое веретено судьбы зашвырнет... с толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) в самую глушь ничтожности...» (X, 101).
- ³ Цитируем отвергнутую цензурой редакцию «Носа» (в советское время ее сделали канонической).
- ⁴ Оглашенные — люди, не принявшие крещение, но уже наставляемые в основы веры (церковнославянский: оглашенный означает «желающий принять Святое Крещение и учащийся христианским догматам»); в православной церкви они могут находиться только в притворе храма и не участвуют в церковных таинствах.

Список литературы

1. *Воропаев В. А.* Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. М.: Паломник, 2008. 318 с.

2. Есаулов И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н. В. Гоголя). М.: РГГУ, 1997. 102 с.
3. Маркович В. Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л.: Художественная литература, 1989. 208 с.

Vladimir Dmitrievich Denisov

*Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language,
Russian State Hydrometeorological University
(St. Petersburg, Russian Federation)
vladdenisoff@mail.ru*

GOSPEL MOTIVES IN THE DYING NOTES OF NIKOLAI GOGOL

Abstract: The article analyses several notes made by Nikolai Gogol shortly before his death in the light of their links to his other works and the Gospel text. The author seems to have understood that he was dying and was preparing to meet his death as a Christian should, to an extent matching the events around him with those in the Gospel. His artistic eye and hand did not fail him. His dying notes feature a brief sketch of a man in a cab and a profile of a man being shut by a closing book. Calligraphic handwriting Gogol had developed by mid-1840s differs from both the large scribble of the draft text of *Evenings on a Farm Near Dikanka* in the 1830s and the small hand of his historical notes, articles and novellas of the mid-1830s. His new hand was that of a man who knew the value of words, and not of a copyist working with government papers.

Overall, the notes are permeated with the mood of contrition and humility. Gogol writes that Satan has already entered the world and the last days are approaching when man is abandoned by God and considers solitude the highest good. He sees his actions as the only true way and takes pride in his sins and ignorance as if they were virtues. The decay of “the temple of his soul” leaves no chance for love and harmony, disconnecting people and ruining the world. Gogol wants to prevent this by uniting people in the Gospel. The longest of his dying notes is addressed to his friends. Every true Christian can be viewed as such.

Keywords: Gospel Motives, Gogol’s dying notes, Apocalypse

References

1. Voropaev V. A. *Nikolay Gogol’: Opyt dukhovnoy biografii* [*Nikolai Gogol: Experience of Spiritual Biography*]. Moscow, Palomnik Publ., 2008. 318 p.
2. Esaulov I. A. *Spektr adekvatnosti v istolkovanii literaturnogo proizvedeniya («Mirgorod» N. V. Gogolya)* [*The Spectrum of Adequacy in the Interpretation of the Literary Work (“Mirgorod” by Nikolai Gogol)*]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 1997. 102 p.
3. Markovich V. *Peterburgskie povesti N. V. Gogolya* [“*St. Petersburg Tales*” by Nikolai Gogol]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 208 p.